

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

БОГ-СКОРПИОН



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г60

Серия «Эксклюзивная классика»

William Golding
THE SCORPION GOD
CLONK CLONK
ENVOY EXTRAORDINARY

Перевод с английского *В. Минушина* («Бог-скорпион», «Клонк-клонк»), *Ю. Здорова* («Чрезвычайный посол»)

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
Faber and Faber Limited и литературного
агентства Andrew Nurnberg.

Голдинг, Уильям.

Г60 Бог-скорпион : [сборник] / Уильям Голдинг ; [пер. с англ. В. Минушина, Ю. Здорова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-087052-3

«Бог-скорпион» — три новеллы, составляющие своеобразный исторический цикл. Действие первой из них разворачивается в Древнем Египте («Бог-скорпион»), где юный принц делает попытку воспротивиться многовековой религиозной традиции. «Клонк-клонк» переносит нас в первобытную Африку, где на первый план выходит противостояние мужского и женского миров.

И наконец, в «Чрезвычайном после» перед читателями возникает Древний Рим, куда прибывает ученый из Александрии, изобретатель парового двигателя, пороха и печатной машинки. Описывая быт и нравы давно ушедших эпох, писатель пытается ответить на сложные философские вопросы бытия.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© William Golding, 1971
© Перевод. В. Минушин, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-087052-3

БОГ-СКОРПИОН¹

¹ © Перевод. В. Минушин, 2010

Ни трещины не было в небе, ни изъяна в густо-синей эмали. Даже солнце, плывущее в зените, лишь оплавляло ее вблизи себя, и по небосводу текли и смешивались ультрамарин и золото. Подобно лавине обрушивались с этого неба пылающие зной и свет, заставляя все живое, что находилось между двумя длинными скалами, замереть в неподвижности, как сами скалы.

Река лежала застывшая, тусклая, безжизненная. Лишь легкий пар поднимался над водой — единственным намеком на движение. Стаи речных птиц на берегу, на шестигранниках сошедшегося, растрескавшегося ила, бессмысленно тарасили бусинки глаз. Заросли сухого папируса — кое-где прочерченные сломанным и накренившимся стеблем — стояли неподвижной стеной, как тростник на росписях в гробницах; лишь вздрагивали иногда сухие венчики, просыпая семена, и там, где семя падало на отмель, там оно и оставалось, не подхваченное течением или ветром. Но далеко от берега широкая, в несколько миль река была глубокой; там солнце

так же слало вниз палящие лучи и так же плавило синюю эмаль отраженного небосвода, повторявшего густую синеву купола над красными и желтыми скалами. И теперь, словно выносить два солнца было выше их сил, скалы наполовину прикрылись дрожащей завесой марева.

Черная жирная земля между скалами и рекой была иссушена зноем. Стерня и застрявшие в ней там и тут птичьи перья, казалось, лишены были жизни. Редкие деревья: пальмы и акации, словно вконец отчаявшись, поникли листвою. Немногим больше было жизни в беленых глинобитных лачугах, что так же, как деревья, застыли в неподвижности; застыли, как мужчины, женщины и дети, которые выстроились по обеим сторонам убитой глинистой дороги, шедшей вдоль реки. Люди стояли, повернув головы к реке и отвернувшись от солнца, которое отбрасывало им под ноги короткие тени цвета кобальта. Они стояли на своих тенях и, прижав к груди согнутые в локтях руки, смотрели вдоль реки, не моргая, приоткрыв рты.

Издалека донесся слабый шум. Мужчины переглянулись, вытерли о льняные юбочки потные ладони и подняли их вверх. Ребятишки, разгуливавшие голышом, зашумели, устроили беготню, но женщины в длинных белых холщовых одеждах, перехваченных над грудью, живо шлепками заставили их уgomониться.

На дороге возник человек, появившийся из тени пальмовой рощицы. Как и скалы, его

движущаяся фигура дрожала в струях горячего воздуха. Даже издали его легко было отличить от столпившихся у дороги людей — по необычности одеяния и тому, что все смотрели на него. Человек достиг открытого места, где дорога шла по жнивью, и теперь можно было видеть, что он бежит, бежит мелкой трусцой, медленно переставляя ноги, а народ по сторонам размахивает руками, кричит, хлопает в ладоши и провожает его взглядами. Человек приближался, и теперь глаз различал не только необычность того, что он делает, но и его необычный наряд. На нем были юбочка и высокий головной убор, то и другое из белого полотна. Его сандалии, запястья и болтавшийся на груди широкий пектораль сияли золотом и синей эмалью, как и жезл и плеть в руках. Его тело блестело, покрытое потом, который градом капил с него и капал на дорогу. Видя, как капли падают на потрескавшуюся землю, люди кричали еще громче. Те, мимо чьего поля он пробежал, присоединялись к нему, но, едва поле кончалось, замедляли шаг и останавливались, утирая взмокший лоб.

Уже бегущий настолько приблизился, что можно было его рассмотреть. Когда-то округлое, лицо его от жизни в роскоши и привычки повелевать стало тяжелым, квадратным, под стать коренастому телу. У него был вид человека, которого не часто посещают мысли, но если таковое случается, сомнению они не подлежат,

и сейчас его единственной мыслью было: бежать, бежать не останавливаясь. Но кроме этой, главной, мысли были и другие, мелкие, вызванные недоумением и раздражением. Для раздражения была достаточная причина — головной убор то и дело сползал на один глаз, и бегущий поправлял его крючковатым жезлом. Хвосты плети, набранные из шариков, золотых и синей эмали, били по лицу, если он слишком высоко поднимал руку на бегу. Время от времени, как бы спохватываясь, он опускал скрещенные жезл и плеть на уровень живота, ибо правила ритуального бега предписывали тереть их один о другой, как при точке ножа. Это да вдобавок осаждавшие его рои мух вполне объясняли его раздражение, а вот причину недоумения понять было несколько труднее. Он бежал через поле, глухо стуча пятками по глине, и теперь его сопровождал только один человек — поджарый и мускулистый юноша, который кричал ему, подбадривая, умоляя, восхваляя одновременно:

— Беги, Высокий Дом! Ради меня беги! Ради жизни! Ради здоровья! Силы!

Добежав до края поля, они как будто пересекали невидимую границу. Люди, толпившиеся впереди у нескольких домишек, двинулись им навстречу с криками: «Бог! Бог! Высокий Дом!»

Их вдруг охватило такое же возбуждение, как юношу, что сопровождал бегуна. Они встретили бегущего воплями и слезами радости. Женщины бросались ему наперерез, поза-

быв о детях, затерявшихся среди мелькания быстрых темных ног. Он медленно бежал по узкой улочке, и мужчины присоединялись к нему. Тут же стоял слепой старик, тощий и скрюченный, как посох, на который он опирался, стоял, подняв руку и повернув голову к бегущему, выкатив мутные, словно кварцевые, белки, и, слепой, он кричал со всеми:

— Жизнь! Здоровье! Силу! Высокий Дом! Высокий Дом! Высокий Дом!

Вскоре бегун, увлекая за собой юношу, оставил позади очередную деревушку, а женщины все смеялись и кричали друг дружке:

— Ты видала, сестра? Я дотронулась до Него!

Высокий Дом все так же бежал вперед и все так же поправлял жезлом неудобную шапку с непреходящим раздражением и, если уж на то пошло, недоумевая больше прежнего. Теперь к нему присоединялось мало людей, когда он пробегал по деревне, да и те, едва деревня кончалась, тут же отставали, все, кроме худощавого юноши. Они останавливались, задыхающиеся, но с улыбками на лицах, а Высокий Дом и его спутник бежали дальше, только подпрыгивали завязанные узлом концы царской юбочки. В наступившей тишине слышались лишь удалявшиеся тяжелое дыхание и глухой топот ног. Мужчины брели назад в деревню, где их ждали расставленные на грубых столах посреди улицы кувшины и кружки с густым пивом.

Когда топот бегущего окончательно затих вдали, слепой, который еще долго стоял у дороги, опустил руку. Он не присоединился к деревенской толпе, но повернулся и, нащупывая палкой дорогу, направился по жнивью, а потом сквозь густые кусты к реке, выбрался на чистое место под пальмами, где илистая почва не была в шестигранниках трещин. Здесь в тени пальм сидел мальчик — ноги скрещены, руки безвольно лежат на бедрах, голова опущена, отчего единственная прядь волос, оставленная на его голове бритвой, свесилась до колена. Он был худ, как и слепой старик, хотя не столь темнокож, и его юбочка была ослепительно белой, не считая следов, оставленных прибрежной лозой и пылью.

Слепой сказал в пространство перед собой:

— Все. Они уже далеко. Теперь мы этого не увидим еще семь лет.

Мальчик безразлично ответил:

— Я не ходил смотреть.

— С ним бежал юноша, тот, которого прозвали Болтуном. Он ни на минуту не закрывал рта.

Мальчик встрепенулся:

— Надо было сказать об этом раньше.

— Зачем?

— Тогда я пришел бы посмотреть.

— Разве Болтун твой отец, а не Бог?

— Я люблю Болтуна. Он рассказывает такие сказки, от которых небо становится невесомым. И он живет.

— Он — что?

Мальчик раскинул руки.

— Он просто живет.

Слепой опустил на землю и положил палку на колени.

— Сегодня великий день, принц. Ты, верно, это знаешь?

— Няньки рассказали мне, потому я и убежал. Великий день... Это значит, что надо стоять на солнце и при этом не шевелиться. Я после всегда болею. И еще, надо подымать столбы дыма, произносить всякие слова. Есть, что велит ритуал, надевать, что велит ритуал, пить, что велит ритуал.

— Это так. Но что с того? Твои шаги звучат как шаги маленького старичка. Но сегодня Бог покажет, что Он всемогущ, и, может быть, тебе тоже станет лучше.

— Как Он это покажет?

Слепой на миг задумался.

— Если речь идет об этом, то как Он может поддерживать небо и подымать воду в реке? Но Он это делает. Небо всегда у нас над головой, а вода в реке вновь подымается, как прежде. Это чудо.

Принц вздохнул:

— Я устал от чудес.

— Мы живы благодаря чудесам, — сказал слепой. — Я покажу тебе кое-что. Видишь пальму слева от тебя?

— Солнце слепит, не могу смотреть.

— Ну ладно. Но если мог бы, то увидел бы зарубки на стволе. Нижняя, на ладонь от земли, — это Отметка Скорби. Если вода не подымалась выше, людям приходилось голодать. Сколько тебе лет? Десять? Одиннадцать? Такое случилось, когда мне было немногим больше, и Бог, который царствовал тогда, выпил яд.

— Люди голодали? И умирали?

— Да. Мужчины, женщины, дети. Но Бог могуч, Он великий любовник — хотя у него всего двое детей, твоя сестра и ты, великий охотник, великий чревоугодник и великий бражник. Вода постепенно достигнет Отметки Доброй Еды.

Не обращая внимания на солнце, принц с интересом посмотрел на дерево.

— А на макушке — что это за Отметка?

Старик тревожно покачал головой:

— Однажды, не могу сказать когда, было пророчество, что вода подыметя так высоко. Рассказывают, Отметка была сделана Богом, но вода никогда еще не доходила до нее. Слишком много — хуже, чем мало. Вода затопит весь мир и будет плескаться у ступеней Дома Жизни. Эта Отметка, — он наклонился и понизил голос, — называется Отметкой Конца.

Принц выслушал его молча, и слепой чуть погодя ошупью нашел его ногу и похлопал по колену.

— Ты этого еще не понимаешь. Но ничего.

Однажды, когда меня не станет и Бог вступит в вечное Сейчас в Доме Жизни ты сам станешь Богом. Тогда и поймешь.

Принц поднял голову и выкрикнул отчаянно и упрямо:

— Не хочу быть Богом!

— Что это такое? Кто тут так кричит?

Принц беспомощно колотил кулачками по сухой земле:

— Не буду Богом! Не заставят они меня!

— Тише, дитя! А если б тебя услышали — ты обо мне подумал?

Но принц вперился в бельма слепца, словно мог его заставить видеть:

— Не буду... не могу. Не могу я сделать так, чтобы река разливалась, или поддерживать небесный свод... мне все снится... тьма вокруг. Все рушится. Я погребен — ни пошевелиться, ни вздохнуть... — Слезы ползли по щекам принца. Он хлюпал носом и утирался грязной рукой. — Не хочу быть Богом!

Старик заговорил громко и строго, словно пытаясь заставить принца опомниться:

— Когда женишься на принцессе, твоей сестре...

— Не собираюсь жениться, никогда, — неожиданно взорвался принц. — Нет, никогда. Особенно на Прекрасном Цветке. Если играешь с мальчишками, это всегда — охота, а я устаю бегать. Девочки только и хотят, что играть в мужа и жену: я должен ерзать на них и тоже

устаю, тогда они сами это проделывают, пока у меня не начинает все плыть перед глазами.

Слепой помолчал.

— М-да, — выдавил он наконец. — М-да.

— Хотел бы я быть девочкой, — сказал принц. — Красивой девочкой, у которой нет других забот, как краситься да носить красивую одежду. Тогда меня не смогли бы превратить в Бога.

Слепой почесал нос:

— Ни поддерживать небесный свод? Ни заставлять воду в реке подыматься? Ни убивать жертвенного быка, ни поражать мишень?

— Какое поразить — я различить не могу, где мишень...

— Что это значит, дитя?

— Глаза словно белый туман застилает.

— Принц, ты говоришь правду?

— И этот туман все сгущается. Медленно, но сгущается.

— О нет!

— Теперь ты понимаешь...

— Но, бедный принц, — они-то что говорят?

— Я никому не рассказывал. Я устал от заклинаний, воскурений и гадости, которую приходится пить.

Голос слепого зазвенел от волнения:

— Но ты ослепнешь! Год от году будешь видеть хуже и хуже, дитя. Подумай об Отметке Конца!..

— Какое мне дело до нее? Если бы только я был девочкой...

Слепой топтался на месте, тыча палкой в пыль.

— Они должны узнать. Он должен немедленно узнать... Бедный принц. Бедный народ!

Принц ухватился за лодыжку слепого, который от неожиданности отпрянул в сторону, и неуклюже поднялся на ноги.

— Никому не рассказывай!

— Бедное дитя! Я обязан это сделать. Тебя вылечат...

— Нет!

— Когда Бог будет заканчивать свой бег, я крикну ему об этом. Он услышит меня!

— Я не хочу становиться Богом!

Но слепой уже спешил прочь, привычно постукивая палкой по стволам, уверенно ступая по узким тропинкам между пересохшими оросительными каналами. Принц бежал за ним, заскакивая то с одной, то с другой стороны, плача, уговаривая, хватая за набедренную повязку. Но слепой шел не останавливаясь, отстраняя мальчика палкой, качая головой и бормоча:

— Бедное дитя! Бедное дитя!

Наконец принц, запыхавшийся, ничего не видящий от слез и слепящего солнца, отстал, прошел, волоча ноги, еще несколько шагов и остановился. Он упал на колени в дорожную пыль и продолжал, продолжал плакать. Выплакавшись, он какое-то время еще оставался в той же позе, поникнув головой; потом вдруг заговорил, повторяя одно и то же, словно про-